

Туристская баня

Каких только нет бань на свете: баня русская, русская баня по-белому («Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого света отвык...»), по-черному («Слышишь, баню мне по-черному топи...»), финская, или сауна, турецкая, знаменитые римские бани и термы, в которых философы часами вели беседы, — это я только начинаю перечень существующих и существовавших бань, в каждой из которых есть своя изюминка.

С приходом в 50-е годы прошлого века в нашу страну эпохи байдарочных походов и прочной полиэтиленовой пленки появились переносные бани, занимающие всего четверть туристского рюкзака. Эти бани полвека согревали тела и души туристов-водников на всех реках Советского Союза, по которым ходили их байдарки и катамараны.

Баня, возведенная на берегу озера или реки в Карелии или на Кольском, наряду с прохождением порогов, купанием, рыбалкой, сбором ягод-грибов, песнями у костра под гитару, совсем недавно была одним из самых главных таинств и радостей не только походной жизни, но и, оглядываясь назад, утверждаю: всей жизни многочисленного племени водных туристов. Некоторые туристы пристрастились к байдарочным походам только благодаря баням у костра.

— А баня будет? — спрашивали они у адмирала, приглашавшего их в поход, и только после утвердительного ответа присоединялись к тургруппе.

Бывалые туристы никогда не говорят, что они ставят или готовят баню на днёвке. Для них весь процесс от выбора места и дня для бани до ныряния после парилки в озеро или в порог с последующими песнями у костра входит в понятие «играть баню». Бывало, пройдет всего три-четыре ходовых дня, а дети и их родители уже спрашивают: «А когда будем баню играть?»

Погодите, отвечаю, баня впереди, на Линдозере. Там у нас осталась с прошлого похода сложенная из камней печь со связанными вокруг неё жердями. Останется только сложить в нее полена да навалить сверху трехметровую гору дров — и баня через час будет готова.

Когда камни у бани становятся малиновыми и начинают трескаться, все недогоревшие головешки быстро складывают в новый костер. У этих «вторичных» костров греют воду и моют детей. Под ними же печётся хлеб.

И вот баня готова. Войти в неё первыми решаются только матери туристы. Тётки (туристы женского пола) и дети залезают в нее, приподняв полиэтиленовый полог, чуть погодя.

К этому моменту уж внутри, у печки, запарен в канах первый десяток березовых веников и пара можжевеловых, в основном для ароматной поддачи пара, а с потолка и со стен струится осаждённый пар.

Ветвями можжевельника секут в бане только самых отчаянных или же самих себя, без оттяга. Однажды в баньке я почивал можжевеловым веником одного такого отпетого. Он орёт благим матом, но лежит на порочном месте и не уходит. И показалось мне, что я слабо хлещу, а он придурается, вопя — так уж ему понравилась порка. Я еще надал, да с потягом. И другие туристы помогли — и тоже с оттягом. Когда ж через полчаса над другим берегом озера вновь засветило солнце, мы увидели, что вся спина и грудь у него разрисованы вишневыми узорами.

Ах, какое наслаждение после коллективной порки берёзовыми вениками разбежаться по мелководью и занырнуть вглубь шелковистых вод озера! А потом долго не всплывать, продолжая свой полуполет-полупогружение, пока всем телом и разумом не ощутишь, что ты уже паришь, как астронавт, в микрогравитации. Эти священные секунды уж никто никогда не волен забыть!

Когда всё тело начинает дышать каждой клеточкой и ты начинаешь чувствовать себя младенцем, праздник переходит на соседнюю микрополяну, где на огромной белой скатерти разложены горячие блины между гор черники и морошки. Отрываются из песка каны с выпеченным хлебом, преломляется хлеб, разливается чай по большим модельным кружкам — и начинается пиршество!

И вот грянула уже первая песня.

«Мы с тобой давно уже не те», — поют все хором у костра давно знакомую песню, а сами чувствуют и знают — те! Те!! Те!!! Пока мы вместе, и нас не разбросал очередной ветер перемен, мы те самые-пресамые верные и надёжные друзья!

...кем приходишься мне ты — не знаю, но приходишься кем-то навек. Так туманная речка лесная прибегает к скрещению рек...

Не уходи, побудь со мною — я так давно тебя люблю! Неистов и упрям, гори, огонь, гори...

...А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Даю команду от зари до зари в рай пропускать десант! Ведь это наши горы, они помогут нам!

У счастья измеренье — вздрог... от неожиданных побед

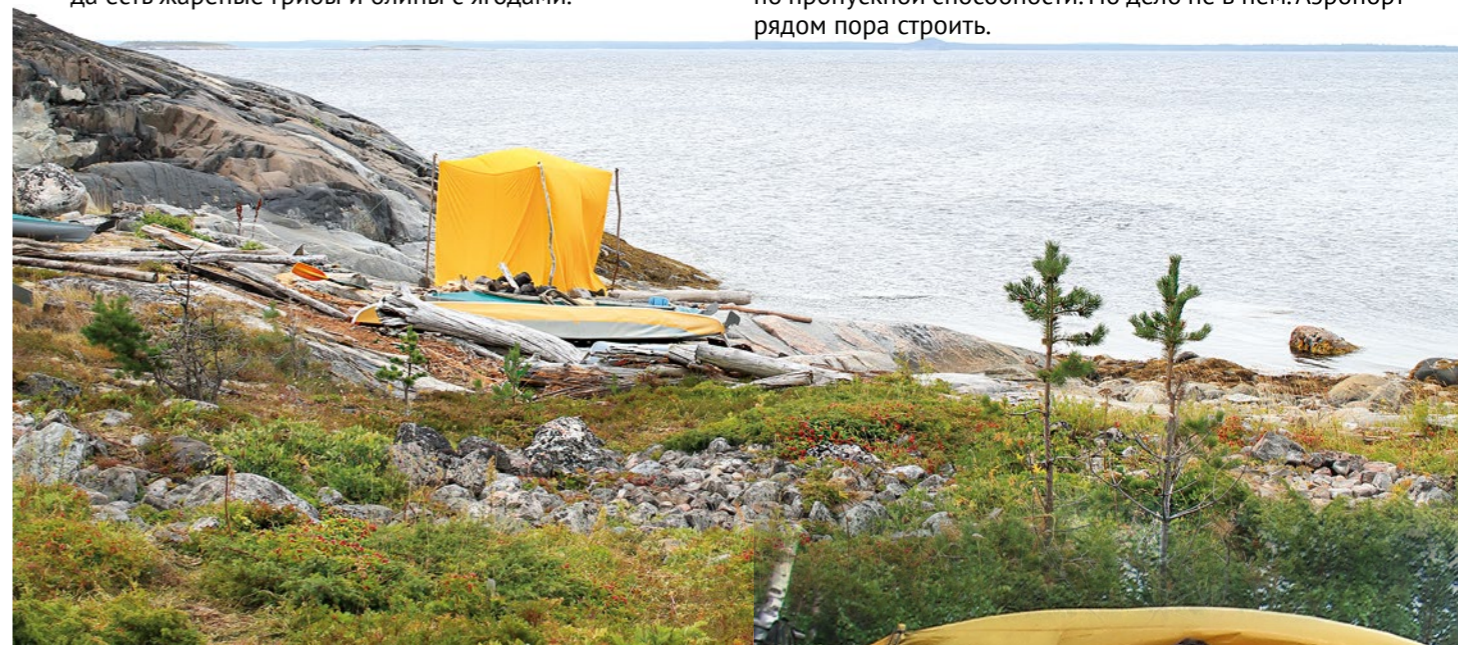
Покрепче, парень, вяжи узлы — беда идёт по пятам... И прав был капитан — ещё не вечер-р-р!

А наутро еще не остывшие камни заваливают нарезанными и низанными на медную проволоку шляпками грибов, которые всю зиму будут напоминать за обедом об этом походе.

Если есть лишнее время, то на следующий день новая радость — уже для детей и взрослых, оставшихся на всю жизнь детьми: игра в войнушку по всему побережью озера.

...Ни этой игры, ни этих бань у костра давно уж нет.

Казалось бы, собери сейчас тех же самых туристов с их детьми и отправляйся с ними в поход по рекам Карелии петь песни у костра, играть баню, в войнушку да есть жареные грибы и блины с ягодами.

Да ничего не получится!

Во-первых, не соберешь. Третью друзей погибли еще молодыми, принаравливаясь в 90-е к новой, более прогрессивной и креативной модели житья-бытья. А кто проскочил это тёмное время, тот либо попал в глубокую колею мелко-бизнеса, либо увяз в подённой работе на хозяина.

А если всё ж случится чудо, и ты соберёшь старую гвардию, то и мысли у неё у костра и в бане всё будут больше не о костре, песнях и бане, а о том, как свести концы с концами или о засыхающих томатах и огурцах в теплицах на даче. И песня, как раньше — как единый вдох и выдох, не споётся у костра.

Во-вторых, и ягод-грибов, и лесов тех давно уж нет. Леса повырубили и вывезли беспощинно в Финляндию «чёрные» лесорубы. А ягоды соскребли мощными финскими комбайнами лишившиеся постоянной работы местные жители для прокорма своих семей и подавали тем же финским барышнякам, берегущим свои леса да ягодники для будущих поколений.

Сегодня адмиралы предпринимают отчаянные попытки сколотить вновь свои тургруппы. Иногда им это удаётся, а чаще группы получаются одноразовыми.

Звоню я недавно своему закадычному другу, заядлому туристу, и спрашиваю:

— А слабо тебе сейчас за 30 копеек купить десяток яиц в деревне?

Смеётся. (Бывало и такое с нами в походе, и даже похлеще: одаривали нас и наших детей сердобольные русские женщины полными рюкзаками горячего, с корочкой, хлеба кирпичиком, отпаивали нас и наших собачек парным молочком...)

А в конце разговора говорю то, ради чего звонил:

— В поход собираюсь, а ты как?

— Что ты, что ты! (Я даже представил себе, как он замахал обеими руками и подхватил соскочившие с носа очки.) Сейчас готовлюсь к выставке в Крокус-Сити, потом четыре дня работы на выставке, следом с женой еду в Чехию, а там пятое-десятое.

— А когда порт морской в строй вводишь?

— Да порт давно уж работает, второй в стране по пропускной способности. Но дело не в нём. Аэропорт рядом пора строить.

— А потом космосом?

Смеётся.

Короче — кончилось время самостоятельных турпоходов с его банями и песнями у костра. Карл Маркс когда-то советовал человечеству расставаться со своим прошлым весело. Но что-то не хочется расставаться с таким прошлым со смехом. Может, нашим детям или внукам удастся возродить то былинное время?

Валентин Круговых, писатель, наш корр., г. Москва
Фото Александра Кузьмина